

18+

Анатолий Арестов

Человек дальнего неба

Анатолий Арестов

Человек дальнего неба

«Издательские решения»

Арестов А.

Человек дальнего неба / А. Арестов — «Издательские решения»,

Собрание рассказов, миниатюр и новелл о человеческой природе, о природе как таковой. Размышления автора о повседневности и вечности.

© Арестов А.

© Издательские решения

Содержание

Родина	6
Снег идёт	8
Обрывки сознания	9
Жизнь человека	11
Увольнение	12
Маленький человек	14
Рабочие будни	15
Мамины заботы	16
Тяжёлый хлеб	17
Комбайнер	18
Золотое поле	19
Яма	20
Разгрузка цемента	22
Калымщик	23
Бугринский мост	24
Торт	26
Землекоп	27
Практика	29
Кожух	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Человек дальнего неба

Анатолий Арестов

© Анатолий Арестов, 2026

ISBN 978-5-0070-5213-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Родина

Испохабленное в вакханалии жизни слово Родина забыто. Оно брошено на плакаты с одной целью — поднять эфемерный дух и устремления людей к лучшему будущему. Многие трактовали это слово по-своему. Лишь немногие старались на благо настоящей Родины...

Она работала депутатом в местной администрации по коммунальным вопросам. Ей было глубоко наплевать на то, что творится в городе: несанкционированные свалки, поваленные деревья (после недавнего шторма), заросшие обочины дорог — всё это дурнопахнущее и нереспектабельное не приносило удовольствия, но приносило солидные суммы денег. Конечно взяток она не брала, ну, как не брала. До ста тысяч. Большие суммы непременно оседали на банковском счёте её пожилой мамы. Хитрая и умная женщина знала лазейки в законе, психологию людей и всегда имела в голове «план отхода» в случае форс-мажорных обстоятельств, но крепкая и добрая дружба между чиновниками администрации разных рангов, предполагающая взаимовыгодное сотрудничество, нивелировала критические ситуации, так что безнаказанность и вседозволенность крепко опутали эту организацию. Яркие и впечатляющие речи на городской площади на «День России» вызывали у большинства чувство веры к ней, к тому, что она делает на благо города всё возможное. На фоне развевающегося флага России сладкоголосая и велеречивая лгунья продумывала следующий мошеннический ход. Родина для неё не просто слово, а слово, приправленное цифрами с шестью нулями...

Мысли растворились в бесконечности. Мироздание существовало по заданной схеме. Творец предусмотрел всё до мелочей: от ноты, издаваемой соловьём, до ядерной боеголовки, мирно лежащей в пусковой шахте... Познавая мир, человек прыгал от счастья! Он радовался и смеялся как ребёнок, заполучивший песочницу. Он был эгоистом, посягнувшим и посягавшим на всё! Своеволие и опрометчивость иногда обходилось слишком дорого, но человек не стоял за ценой. Материальность мысли... Поток сознания... Может быть, наши мысли с небывалой скоростью летят за пределы Вселенной? Концентрируются в далёких Галактиках и способствуют появлению или зарождению новой жизни? Жизни бестелесной...

Сколько миллиардов жизней человеческих пронеслось под небом? Страдавшие или веселившиеся люди исчезли. Смена не заставила себя долго ждать: новые творцы обуздали плоть планеты Земля, заявили о своём существовании громогласно и богоподобно! Писатели, поэты, художники и архитекторы проникли в духовные сферы; управленцы, рабочие и продавцы — в материальные. Мир прогрессировал, постепенно утопая в деградации. Неизменная низменная сущность сохранилась. Воровство и убийство непоколебимо следовали за шедшими. Тысячи лет движения по одной и той же траектории...

Утренняя изморозь, первая в сентябре, расписала листья и стебли увядающих трав узором. В нежных лучах солнца блестела кружевная паутина, брошенная хозяином-пауком на произвол судьбы. Грунтовая дорога, разделившая степь на две равных части, изгибалась и терялась за жидкой лесополосой в пять-шесть рядов молодых тополей. Жёлтые листья с червоточинами, серыми пятнами и отметинами, оставленными то ли болезнью, то ли вредителем, покидали родные тополя и летели в степную даль, пытаясь пересечь дорогу, как пограничную зону. Одни листья с лёгкостью перелетали препятствие, другие — шумно катились по дороге, но преодолевали её, третьи — оставались на злосчастном участке, влипнув в оставшуюся после лужи грязь... Красивое осеннее утро! Было бы...

Лязг гусениц танков сконцентрированной человеческой ненавистью прокатился по степи. Степь вздрогнула. Грунтовая дорога превратилась в одно пылевое облако, облако наступавшей смерти. Бронированные машины топтали стальными подошвами русскую землю. Десятки фашистских танков с грозными угловатыми крестами проложили себе путь через лесополосу. Молодые тополя с хрустом ломались и падали, листья, словно снопы искр, ещё

долго кружили в воздухе в предсмертном танце и опускались на чёрные глыбы раскучуроченной земли. Удалявшиеся в пылевом облаке танки уносили с собой шум. Через несколько часов наступила тишина, лишь иногда доносился хруст доламывающегося тополя или падение ветки. Изморозь растаяла, травы покрылись росой, словно слезами предстоящего...

Он сражался за Родину под Курском. Выжил в этом безумии человеческого. Описывать всю мерзость, дерзость и ужас войны — не имеет смысла. Все прекрасно знают, что происходило на полях сражений во время Великой Отечественной. С войны он пришёл героем, «поправил» дом, посадил вишнёвый сад, как и мечтал, женился... Ему исполнилось 89 лет. Министерство сделало прибавку к ветеранским, из края пришла какая-то красивая и яркая грамота или благодарственное письмо от потомков, а от города с цветами и какой-то бумагой, наверное, тоже грамотой, направили ту самую женщину-депутата. Она сопротивлялась, не хотела идти. «Что это я пойду к какому-то старику в полуразрушенную хибару, у него там воняет! Вообще-то у меня столик в ресторане забронирован!» — ответила она мэру с нескрываемым пафосом, но пришлось подчиниться. Система не любила отклонений от нормы. Сказано — сделано, только так.

Обрызгав себя духами сверх меры, она подъехала на служебной «Волге» к дому, где проживал ветеран, поднялась по ступеням, напрягла соответствующие мышцы лица для создания улыбки полной счастья и радости в столь светлый день и переступила через порог...

Родина!

Снег идёт

Снег летел крупными хлопьями. Пять часов двадцать минут утра. Дворник стоял на вверенном ему участке и предвкушал сложность, с которой ему предстоит столкнуться. От устойчивейшей положительной температуры воздуха мокрый снег прилипал к поверхности скребка, утяжеляя его в разы. Монотонное движение человека со скребком по ровной территории, прилегающей к поликлинике, привлекло внимание ворон, сидящих в кроне старого вяза. Они всем своим видом выражали недоумение и непонимание: зачем убирать то, что в любом случае превратится в воду? Но это была их, воронья, ошибочная точка зрения.

Дворник медленно, но верно продвигался от центральной площади к торцу здания, где снега было больше из-за порыва ветра, врезающегося в кирпичную стену и оставляющего вытянутый через всю дорогу сугроб. Трудно искать поэтическое вдохновение в том, что забирает у тебя силы — в бездушном сугробе! К восьми часам началось движение машин с людьми и движение людей без машин на работу. Их хаотичное поведение мешало дворнику двигаться по заранее выбранной траектории, облегчающей и без того тяжёлую работу. Противостояние человека стихии продолжилось. Ранее очищенное пространство вновь покрылось тонкой снежной пудрой, обесценивая все усилия...

Водитель Степан открыл скрипящую дверь в железных воротах больничного гаража. Тёплый, застоявшийся воздух с приятным ароматом бензина вырвался в безграничное пространство. Белая ласточка — ВАЗ четырнадцатой модели стояла на своём месте. Тонированные задние стёкла отражали мерцающий свет ещё не набравшего силу прожектора, высохшие потёки грязи на крыльях напоминали об острой необходимости мойки. «Вечером...» — подумал Степан и потянулся к чайнику. Лёгкое нажатие кнопки, ожидание в течении трёх минут и, бумажный пакетик уже медленно тонул в объёмной паром кружке. Первая утренняя сигарета не принесла ожидаемого удовольствия. Сизый дым истлевшего табака смешивался с паром горячего чая и возносился к потемневшему от выхлопных газов потолку. Зимнее утро наглым образом не хотело начинаться так, как нужно. Холодный ветер порывами нёс острые снежинки, расстилая их по бетонному полу гаража. Закрыв дверь плотнее, Степан остановил взгляд на покрытом пылью телевизоре. «Может включить?» — пронеслась мысль, но быстро исчезла, не получив должного рефлекса тянувшейся к пульту руки. Серые тучи, как газ из выхлопной трубы, продолжали таинственное шествие по небу. По закрытым воротам кто-то шоркал. «Дворник, — вспомнил Степан, — тоже мне работёнка. Не позавидуешь!» Дворник сдвигал снег от гаражных ворот, но, через несколько минут плюнул и, выговорившись трёхэтажным матом, направился в здание напротив гаража, обтёр ноги о железную решётку, предназначенную именно для этих целей, и скрылся, хлопнув на прощание дверью.

Машина, с мерно работающим двигателем, стояла возле эстакады и ожидала хозяина. Степан присмотрелся к небольшому сколу возле зеркала заднего вида, поморщился и уселся в водительское кресло, чтобы не портить себе и так никудашнее настроение. Подъехав к запасному выходу больницы (куда с утра шмыгнул дворник), он принял пассажира — девушку в белом комбинезоне, закрывающем всё, кроме глаз, и державшую в руке «сундучок» с набором для взятия проб. Приветствие и лёгкая шутка по поводу неудачного утра начинали приносить положительные впечатления. Чем-то озадаченный дворник вышел на улицу, посмотрел по сторонам, снова плюнул и скрылся за дверью — данная ситуация развеселила сидящих в машине. Девушка достала белый тетрадный лист, на котором виднелись написанные от руки адреса возможных больных... ВАЗ четырнадцатой модели скрылся за углом больницы. Повалил снег.

Обрывки сознания

Триста двадцать тысяч лет назад расчерченная глубокими трещинами пустыня неизменно разогрелась под смертельными лучами палящего светила... День, рано или поздно должен был закончиться, отдав положенное время в сутках, ночи. Всепоглощающая тьма обволакивала Землю космической несдержанностью. Мрак вырывался из горнила Вселенной. Дальние звёзды боялись нести отражённый свет. Нечто бродило по Земле...

Откупорив бутылку шампанского, один из миллиардов людей на планете, посмотрел на звёзды и отставил бутылку с играющими пузырьками к бордюру. «Новый год — не такой и новый, веселье — закончилось ещё в детстве, вместе с запахом мандаринов и ёлки. Что сейчас? А что сейчас? Ничего! Ровным счётом ничего, кроме долгов по ипотеке, кредита за ведро с болтами — машину, так хорошо и нежно разрекламированную по телевизору и кучи мелких обязательств.» — подумал Роман и пошёл, куда глаза глядят.

Снежная седи́на, развивающаяся от ветра по асфальту, напоминала космы старой колдуньи, пытавшейся схватить человека за ноги и утащить в своё царство. Вспышки галогеновых ламп проезжающих автомобилей выхватывали куски снежной седины и загоняли их под колёса, принуждая закручиваться в вихре. Один из миллиардов людей шёл по тротуару большого города, в стремлении заставить себя почувствовать праздник. Тщетно! Свернув за угол в неосвещённую фонарями улочку, он увидел приближающуюся, размытую фигуру. Это была девушка. «С наступающим! — произнесла она, — вы веруете в Бога?» Такого вопроса, в такое время, Роман, если честно, не ожидал. «Нет! — утвердительно произнёс он и пошёл дальше, изредка оглядываясь на отдаляющуюся, размытую фигуру. — Сектанты! Не спят и не празднуют.» Тёмная сторона тротуара становилась ещё темнее, не стало проезжающих машин, только метель усилилась окончательно. Потоки снега врезались во всё без разбора. Он засунул руки в карманы куртки и прижал её сильнее, чтобы от бесчинствующих порывов ветра под неё не проникал холодный снег. «Значит ты в меня не веруешь? — раздался голос в голове, — зря, конечно... Ты хочешь миллионы лет бродить неприкаянным по земле? Или ты одуматься, сын?» Романа поразила ниоткуда взявшаяся мысль, плюс ко всему она была произнесена чужим голосом в его голове: «Неужто шизофрения на Новый год? Вот так подарок!» — испуганно произнёс он и... проснулся в набитой людьми маршрутке.

«За проезд платить будете? Сколько раз можно повторять! Напьются, потом ездят невменяемые...» — противный голос кондуктора вернул к суровой реальности. Роман грозно посмотрел на неё и протянул деньги за проезд: «Здесь выхожу...» — без лишних формулировок отчеканил два слова. Выпрыгнув из маршрутного такси на грязный «пяточок» тротуара, он краем глаза увидел в остановившемся троллейбусе ту самую девушку из сна... Что-то оборвалось внутри, поток воспоминаний нахлынул ужасающей волной, стирающей иллюзорные границы между происходящим и бушующими воплями подсознания. Он вспомнил всё... Чувство колоссального могущества вливалось в живую ткань человеческой оболочки, глаза наливались мраком, пылающие огнём мускулы прожигали одежду — ему так казалось...

Роман сидел в психушке на стуле у окна с прочной железной решёткой, покрашенной в синий цвет, и любовался падающими снежинками: они обгоняли друг друга, стараясь быстрее утонуть в огромнейшем сугробе. Слаженная, но вместе с тем хаотичная игра кусочков льда приносила успокоение — ему так казалось. Всё было проще, неоднократно введённый препарат действовал...

Ему так всё надоело. Всё. Абсолютно. Бесконечное движение мыслей о заработке, о становлении себя в жизни, о вечных улыбках другим людям, о нужности вранья в тот или иной момент. Вечная озадаченность и озабоченность. Даже постепенно меняющийся город не вызывал никаких чувств. Делали новые дороги для автомобилистов — зачем? Чтобы какой-нибудь

придунок на японской развалюхе с форсированным в гараже двигателем гонял со скоростью 150 и бил фонарные столбы, убивая себя и калеча окружающих? Отремонтировали Дом культуры — для кого? Для малолеток, которым не нужна культура, им бы зайти за угол ДК да выпить как следует, а не смотреть какой-то там спектакль про плачущего и страдающего мужчину, которому не дала мадам. Всё. Всё надоело... Ответственность, безответственность — какая разница! Любой человек хочет всего лишь одного — обогатиться, как ни крути, не ставь мораль и нравственность превыше всего. Врём. Нескончаемо врём себе, родным, друзьям, чужим людям: какая ты красивая, какой ты умный, какой ты сильный — с единственной целью: что-то поиметь взамен. Нет. Бог, скорее всего, планировал не то, что есть на самом деле. Многомиллиардная кучка пакостников из века в век творит одно и то же, занимается одним и тем же. Когда уже прискачут обещанные всадники апокалипсиса на зловещих конях? Пора уже. Давно пора...

— Роман, вам стало лучше от таблеток, которые я прописала? — спросила врач и через очки пристально посмотрела на пациента — парня тридцати пяти лет, нигде не работавшего на момент обострения психического заболевания.

— Немного лучше. Правда всё в тумане перед глазами и слабость. — нехотя произнёс пациент.

— Не переживайте, препараты сильнодействующие, много побочных эффектов, но они помогут вам вновь встать на ноги, стать полноправным членом общества!

— Членом... Неужели другого слова не нашлось? — отшутился пациент, как ему казалось. На деле шутка не прошла.

Врач всем своим видом показала, что не придавала этому значения. За бронебойной маской профессионала психиатрических наук вообще была женщина? Вроде шуточка ниже плинтуса, а эмоций — ноль! Видимо, сказала многолетняя тренировка на безумцах...

— Вы мне нравитесь. Давайте дружить? — выдал пациент.

— Не положено! Медицинская этика не позволяет, да и муж у меня есть. — коротко и ясно ответила врач, что-то записывая новенькой ручкой в истории болезни.

— Тогда ладно... — пациент бросил два слова в воздух и устался в белый угол потолка, где штукатурка отслоилась от стены.

«Интересно, этот кусочек упадёт сейчас или позже, когда я вернусь в следующий раз? Если он упадёт без меня, а другой кто-нибудь заметит? Может санитарка вымоет полы и выльет его с грязной водой в унитаз, или чьи-то ноги растопчут его в крошки? Жаль...» — подумал пациент и вновь перевёл взгляд на доктора.

— Что ж... Идите домой. Приходите через два дня, мы поставим вам систему — почи- стим кровь от токсичных продуктов распада препаратов и посмотрим, что делать дальше. — произнесла врач, одной рукой поправляя чёрную прядь, другой показывая на дверь...

Через два дня Роман не пришёл. Посмертная судебно-психологическая экспертиза признала факт суицида.

Жизнь человека

Каждое мгновение тает в песках времени, уносится прочь. Безвозвратно. Что-то остаётся в памяти, фрагментируется, сжимается до мимолётных воспоминаний. Человек, с присущим только ему телом, мировосприятием, движением в пространстве — живёт, дышит, что-то принимает от этого мира, что-то пропускает мимо себя, как ненужное именно его природе, его сущности...

Человек начал работать в двенадцать лет — помогал на полевых работах в колхозе. Время было такое, да и есть хотелось... После школы отучился в ПТУ на тракториста-машиниста широкого профиля, пахал целину на ДТ-54, получил медаль «За освоение целинных и залежных земель», позже переехал в город, где отучился на трубоукладчика. Женился. Отдал лучшие годы жизни строительно-монтажному управлению, стоя по колено в глинистой жиже и откапывая прорвавшуюся трубу...

Время пролетело незаметно. Инфаркт. Пенсия по инвалидности. Старенький строительный вагончик — подарок от работодателя, впоследствии проданный арендаторам земель сельхозназначения. Новое увлечение, приносящее небольшой доход — продажа выкопанных корешков хрена и солодки на базаре, собирательство металла и его сдача дали возможность приобрести велосипед «Урал». Нет, не новый, собранный из запчастей. Поле. Берёзовая лесополоса. Велосипед лежащий на боку. Сумки и мешки, намотаны на раму велосипеда. Человек отдыхает. Смотрит в небо, о чём-то думает... О прошедшем времени? О лучших моментах жизни? Останется загадкой навсегда. Это его сущность, это его природа — нераскрытая никому и непонятая никем. Это его небо...

Время отсчитывает секунды. Инсульт. Частичная парализация. Человек погрузился в свой внутренний мир. Второй инсульт и смерть на свежевскопанной земле под цветущей майским цветом яблоней. Безвозвратно и бесследно пропали его мысли, его чувства, он сам. Человек ушёл, оставив дочь и внука, пишущего эти строки...

Увольнение

И надо же было ему согласиться на покраску пятидесяти метров забора из чугунных решёток. Тем более в отпуске! Но материальное поощрение со стороны руководства организации взяло верх! Обещанная доплата к скромной зарплате не помешает! Июньские дни были душными, ни капли дождя не пролилось с самого апреля. Природа изнывала от засухи: скрюченные и пожелтевшие тополиные листья усеяли серую поверхность тротуара, скошенная трава в газонах пожухла и покрыла медленно отраставшие растения плотной коркой. Жестяные банки с эмалью ровными рядами стояли в складском помещении, краска цвета морской волны пахла далеко не морским бризом! Едкие пары, казалось, врывались через нос, проникая во все клетки организма.

Некоторые любят заниматься медитацией, погружаясь в подсознание. Техник много, но самая лучшая техника — долгая и монотонная работа. Неровная поверхность чугуна с впадинами и раковинами не давала возможность совершить покраску быстро, приходилось подолгу останавливаться на одном месте, втирая кистью свежую краску в место, где отвалилась старая...

Сиреневые листья секвой засверкали в лучах солнца, какая-то неведомая птица пропела райским голосом, холодный ветер срывался вертикальным потоком на разгорячённую голову, ворона, как «Юнкерс», совершила экстренную посадку на заброшенный аэродром газона, подняв облако пыли в турбулентных потоках... Сознание унеслось в неведомые дали, прихватив с собой клочок реальности. Потёки краски на ограде, словно слёзы чугуна о своей многолетней и плодотворной работе по охране территории от посягательства бездомных собак, капали на бетонную дорожку — интоксикация парами краски сделала своё дело!

Александр Михайлович отошёл в сторону от злосчастной ограды, присел на скамейку, радужные круги перед глазами и приятная слабость в ногах прошли. «Хватит на сегодня, иначе будет беда! Что-то я перестарался!» — подумал мужчина, неспешно собрал банки и кисти и направился домой, тем более сегодня у него был День рождения...

На новом месте работалось по крайней мере спокойно. Александр достал чашку, налил чай и вспомнил старое место работы... Да. Нервы потрепали ему изрядно. Комиссия за комиссией, полиция, вышестоящее начальство. Его признали невиновным, но после этого случая ему пришлось уволиться. Он не смог бы работать дальше, понимая, что он всего лишь винтик в строго подчинённой системе, которая возьмёт, обнадёжит, но потом перемелет и выплюнет. Из-за этого крайне неприятного инцидента у Александра начались проблемы с сердцем и появилось повышенное давление. Большинство мужиков встало на его сторону, но оказались и другие — завистливые и ожидавшие какого-нибудь события, чтобы насладиться страданием ненавистного им человека...

— Новая техника лучше по всем показателям: и производительнее, и проворнее в управлении! — заявил Александр Михайлович и залез в кабину Джон Диры. Зелёный трактор смачно заурчал мотором и поехал по полю. Весенняя культивация была в самом разгаре! Александр Михайлович — самый неутомимый труженик в хозяйстве всегда добивался высоких показателей, поэтому ему и доверили новенький заграничный трактор, конечно, после процесса обучения. Мужики с машинно-тракторной станции обступили заокеанского монстра, долго рассматривали, трогали блестящие и ещё не покрытые пылью механизмы. Больше всего мужиков восхитила кабина: просторная, с кондиционером и холодильником, магнитолой и огромными стёклами. Они не могли наглядеться на такую роскошь.

— Повезло Александру... — с лёгкой ноткой зависти произнёс Иван. — Мне бы такой агрегат! Мой трактор давно уже должен быть на базе по приёму металла.

— Ничего! Ты молодой ещё, подожди и тебе доверят новую технику. Директор сказал, что на следующий год запланировано купить ещё три трактора. — ответил Михаил и похлопал парня по плечу.

— Какой купить? В кредит всё. Да и техника, которую мы считаем новой, вдоволь поработала на полях каких-нибудь лордов или маркизов. — знающе опроверг сказанное Иван.

Мужики ещё немного постояли у кромки поля и пошли в гараж. Весеннее утро набирало обороты, как в природе, так и в житейских делах человека. В тополиных посадках щебетали птицы, люди разговаривали о насущных проблемах — всё шло своим чередом...

— Как мог новый трактор сгореть? Объясните! — директор вне себя от гнева сидел в кресле и размахивал руками. Александр стоял возле директорского стола и мял в руках свою кепку.

— Скорее всего проводка подвела. Трактор же до покупки стоял на складе, вот мыши и погрызли оболочку на проводах.

— Какие мыши? Ты знаешь сколько стоит эта техника? Сколько нам выплачивать за неё придётся? — выпалил директор и покраснел от гнева.

— Трактор застрахован. Приедет комиссия и разберётся в чём и чья вина! — сердито ответил Александр. — Или вы на меня решили повесить сгоревшую технику? Знаю я вас, прохиндеев! Всё! Не о чем больше нам говорить!

Он развернулся и вышел, хлопнув как можно громче дверью. Ему было обидно из-за творившейся несправедливости. Трактор задымился на середине поля, он выскочил, израсходовал два баллона огнетушительной смеси, под конец начал закидывать землёй моторный отсек, но ничто не помогло! Успел даже вызвать по рации пожарную машину, но пока она доехала по мягкой почве, обугленный трактор уже не нуждался в тушении...

Маленький человек

До пенсии Татьяне оставалось три года. С предыдущего места работы она уволилась из-за конфликта с начальницей — та слишком много хотела, так сказать, как в Советском Союзе — работайте за идею, но за проделанную работу денег не ждите! Такой расклад вещей никак не устраивал Татьяну и в один прекрасный момент она высказала всё что хотела. Конечно после этого крайне недружелюбного тет-а-тета пришлось уволиться и отработанные двадцать лет не стали преградой и защитой для «беззащитной» работницы. Начальник всегда прав, хотя и не прав. Татьяна сидела дома на кухне. Пар от горячего чая поднимался вверх, затуманивая трудовую книжку, лежавшую на краю стола. Женщина вспомнила первый день работы... вот уже двадцать лет прошло! Сколько десятков, а то и сотен километров коридоров было вышаркано шваброй, сколько грязных унитазов надраено до блеска, сколько соплей и плевков вытерто половой тряпкой. А сколько половых тряпок переменяла она? Не сосчитать! Грусть перемежалась с состоянием страха. Что делать дальше? Как жить? Она так привыкла к коллективу, к каждому уголку организации, к выбранному пути от дома до работы, даже сон заканчивался в половину седьмого утра — организм настроил внутренний будильник! Двадцать лет! Помешивая чай ложкой, Татьяна не знала о чём думать, мысли о работе захватили разум, внутренний монолог усиливался в тишине квартиры:

— Не нужно было высказывать своё мнение!

— Если бы не высказала, так продолжалось бы и дальше. Уже сил не было терпеть. Сколько можно издеваться над человеком? Обязанностей выше крыши, а платить не хотят! Себе, значит, премиальные чуть ли не каждый месяц выписывают, а работнику тысячу рублей закрыть не могут, а закроют, так в три шкуры потом сдерут! На них и в прокуратуру подавали жалобу и в другие организации — им всё ни по чём! Стол в ресторанчике накрыли — вопрос закрыли. Да-а-а, плохо быть «маленьким» человеком... Не пробила в жизни себе дорогу — мучайся!

Татьяна подошла к буфету, достала несколько таблеток «Пустырника» и запила горячим чаем.

— Таня, как ты хорошо работаешь! Какая ты ответственная! Молодец! Хвалили как дурачку, а никто так и не заступился. Привыкли только нижнюю точку начальству лизать, сволочи... Ну, и наплевать на вас. У вас «за забором» полно желающих поработать! Удачи!

Мысли, как два потока: поток ярости и злобы с потоком жалости к себе проносились в голове, смешивались, производя непонятное, необъяснимое ощущение паники. Татьяна пошла в зал, включила телевизор и легла на диван. Монотонность голоса ведущей, нервное перевозбуждение и выпитые таблетки успокоительного дали результат — Татьяна погрузилась в сон.

Рабочие будни

Главный фельдшер Виктор припарковался возле административного здания «Скорой помощи», лениво вылез из старенького Ниссана и решил пойти на планёрку, но не стал спешить, время ещё позволяло перекинуться парой слов с фельдшерами, отработавшими сутки и разъезжавшимися по домам. Возле входа в здание, где работают диспетчеры, он встретил Аню старшего фельдшера, поздравил её с наступившим Днём рождения, открыл дверь, пропустив даму вперёд, как истинный джентльмен и следом зашёл за ней. В светлом коридоре неприятно пахло хлоркой, Виктора это немного взбудрило и прогнало остатки сна...

Планёрка оказалась, как всегда обычной, ничего нового, просто разбор полётов: кто-то поленился до конца заполнить документы, кто-то грубо ответил больному, на что тот позвонил в управление и пожаловался, дав чёткое указание наказать провинившегося. Виктор выслушал предложения по дальнейшей и плодотворной работе организации, записал в ежедневник вопросы, требующие незамедлительного решения, и отправился пить кофе, тем более вода в чайнике уже остывала, а торт был нарезан...

Весна входила во вкус. Тепло. Слякоть. Пролетела бабочка и уселась на антенну автомобиля с красным крестом. Закричала ворона, оглашая толком не проснувшийся город. Дарья и Роман — два молодых фельдшера, отработавших уже как три года на станции, сели в Газель и поехали на вызов в село Мамонтово, что в сорока километрах от города. Утро начиналось по всем канонам негатива! С утра Дарья никак не могла найти свои сапожки, потом машина не захотела заводиться, из-за чего она чуть не поругалась со своим мужем Николаем, кстати тоже работавшим в станции на автомобиле скорой помощи. На работу, конечно она не опоздала, но нервное спокойствие было слегка нарушено. Теперь этот вызов за тридевять земель! Роман — полная противоположность Дарьи, чувствовал себя весьма спокойно, тем более утро для него выдалось весьма удачным: вчерашнее фото с любимой собачкой набрало больше пятидесяти лайков, позже пришло извещение о том, что он победил в розыгрыше, проводимом одной известной сетью магазинов, и выиграл смарт-часы! Поэтому заряженный гормоном счастья — серотонином, он был спокоен и его не волновало куда ехать: в Мамонтово, так в Мамонтово, какая разница...

Чёрные комки грязи летели из-под задних колёс Газели. Машина увязла на деревенской дороге. Дарья с Романом приложили все силы, надеясь вытолкать трёхтонное транспортное средство из оков российской провинции, но попытки оказались бессмысленными! Только боль в пояснице и грязная обувь, а Газель не сдвинулась ни на сантиметр! Подъехавший КАМАЗ не смог вытянуть увязнувшую скорую, окопался сам и остановился рядом с ней, виновато спрятав оранжевую кабину под толстым слоем родного чернозёма. Пришлось вызывать на подмогу царя вольных степей — трактор К-700. Такой технике данная работа — раз плюнуть! Дым из выхлопной трубы вырвался в серое небо, трактор напрягся и вытащил КАМАЗ, следом, как грязное пёрышко вылетела Газель. Наконец-то!

Отмытая Газель блестела под лучами выглянувшего солнца. Виктор нёс документ из краевого Минздрава на подпись в первый корпус. Дарья с Романом сидели на скамье и рассказывали приключившуюся с ними историю другим фельдшерам. Пролетела бабочка и уселась на антенну автомобиля с красным крестом. Закричала ворона, оглашая проснувшийся город. Из громкоговорителя в весеннее небо неслись слова диспетчера о новом вызове...

Мамины заботы

Она проснулась без пятнадцати семь утра. Вскипятила воды, налила кофе. По телевизору начиналась программа «Вести»: снова снег поглотил Хабаровский край, в Пензе гололёд привёл к многочисленным автомобильным авариям, вакцину отправили в Зимбабве... Сводка свежих новостей напоминала, что всё хорошо в России, но слишком плохо в мире. Говорящая леди с плоского экрана зомбирovala, психологически атаковала, внедряя стусок наиболее нужной информации на данный отрезок времени. Выключив телевизор, женщина отправилась перемыть посуду, оставленную в раковине после вчерашнего ужина, после замочила грязную майку и спортивные штаны сына в неглубоком красном тазу, натёрла гелем ванну — пусть пропитает керамические поры, заодно залила унитаз «Белизной», чтобы средство дезинфицировало такое непримечательное, но нужное место. Переложив на полке в прихожей разные мелочи в определённом порядке, она вошла в комнату и заправила кровать сына, затем свою кровать. «Нужно приготовить что-нибудь вкусенькое к обеду!» — пронеслась мысль в голове. Женщина подошла к холодильнику, достала из морозильной камеры два куса замороженного мяса, налила в неглубокую блестящую кастрюлю воды и поставила её на нагревательный элемент электроплиты, но включать не стала. Открыв нижнюю дверцу холодильника, окинула небольшое пространство понимающим «кулинарным» взглядом и, подумав, пошла одеваться.

В близлежащем продуктовом магазине цены на хлебобулочные и кондитерские изделия были ниже, чем в таком же, но находящемся чуть дальше, через дорогу. Накупив необходимого, объёмом два больших пластиковых пакета, женщина поднялась на пятый этаж, где находилась квартира, оставила пакеты в прихожей и снова отправилась в магазин, теперь в хозяйственный. Посетить только его не получилось, пришлось зайти на почту — оплатить ежемесячную квартплату, в аптеку — купить лекарство от повышенного давления для себя и витамины для сына, на вещевой рынок — за носками и приглянувшимися ранее джинсами для того же любимого сына... Возвратившись домой и подробно рассмотрев покупки, пришлось ещё раз сходить в два разных по продовольственной направленности магазина.

Вот теперь можно начинать варить... Очищенные картофель и морковь, мелко порезанный лук, разогревшееся до сизого дымка подсолнечное масло на сковородке и блестящая кастрюля с кипящей водой — ингредиенты для обеда. Пока варится мясо, можно помыть полы. Всё-таки вирус бродит! Сейчас я его... С «Белизной» ... Сорок пять квадратных метров квартиры и два изгиба лестничной площадки отмыты до предела! Посидев на диване и немного отдохнув, она снова пошла на кухню готовить. Замоченные ранее в тазике спортивные штаны и майка отправились в стиральную машину, впитавшийся в ванну гель подвергся неумолимой тёрке щёткой — ванна заблестела, заискрилась в лучах светодиодной лампы, передавая «свежесть и чистоту» всему помещению. Час дня...

Тяжёлый хлеб

Заработная плата труженицам не выплачивалась. Засаленная тетрадка с отпечатками пальцев насытилась синими подписями. Набранное в долг зарплаты неровными строчками красовалось на серых листах. Сложное время, сложные взаимоотношения, рабский труд. Терпение женщины не имеет границ. Труд женщины не имеет конца. Главное: дети накормлены, чистенькие и не болеют. Остальное неважно...

Блестящий шнек зерноочистительной машины крутился, поедая огромную жёлтую кучу зерна. Женщины стояли рядом, подкидывая семена, оставшиеся по бокам медленно движущегося агрегата. Пыль окутала зернохранилище, осела на платках, одежде и лицах женщин. Тяжёлый труд, казалось, выпил из организма последние капли воды, на покрывшиеся испариной спины моментально прилипла вездесущая серая пыль. Гул машины не был слышен, он стал породнившимся с организмом звуком. Сотни тонн зерна перекидали женщины. С семи утра до десяти вечера, не переставая, работали лопатами, лишь часовой перерыв в полной тишине настраивал на отдых, но монотонный шум не оставлял женщин, он преследовал их до глубокой ночи. Утро. Уставший организм сопротивлялся. Колючая и пыльная одежда вызывала отторжение, ноги гудели, спина не гнулась, но работа ожидала. Снова зернохранилище. Змеиное тело чёрного кабеля. Розетка. Раскручивающийся блестящий шнек зерноочистительной машины. Руками выглаженный до лакированного блеска черенок лопаты. Ладони, кое-где покрывшиеся кровавыми мозолями, болели, некоторые уже лопнули и высохли, оставив грубую кожу на память. Ступни в мягких тапочках разбухли, суставы ныли. Час работы лопатой вывел организм из ночного застоя, мышцы укрепились, выгнав молочную кислоту и насытившись кислородом. На покрывшиеся испариной женские спины вновь оседала вездесущая пыль...

Комбайнер

Равномерная работа жатки старого комбайна СК «Нива» приводила Сергея в восторг! Комбайн хоть и старенький, но работу свою делает. Механизмы отлажены ещё в гараже, трущиеся детали, как следует смазаны солидолом, трещины на металле схвачены сваркой, а изношенные резиновые ремни заменены на новые. Не комбайн, а великий труженик! Из кабины открывался красивейший вид на бескрайнее жёлтое поле. Пшеница поспела. В зерне закончились процессы фазы восковой спелости, зерно налилось, окрепло и перешло в последнюю фазу — фазу полной спелости, когда её можно и нужно убирать. Жатка захватывала оцетившиеся стебли и направляла внутрь — в чрево комбайна, где специально подогнанные механизмы обмолачивали колос и подавали чистое зерно в бункер, выплёвывая пожнивные остатки и мякину, через разбрасыватель сзади. Машина, казалось, понимала человека. Ровный рокот двигателя и лязг ременной передачи вели механический разговор с водителем, подбадривая его, по необходимости, либо, остужая пыл зарвавшегося юнца, хотевшего подбавить газ. Водитель понимал разговор, отзывался или отстаивал свою точку зрения. Диалог машины и человека состоялся!

Сергею нравилась работа комбайнера, он любил трудиться на родной земле, где родился и вырос, любил этого разговорчивого стального монстра, любил поле. Его становление, как человека, уважающего крестьянский труд произошло здесь, когда он впервые собрал полный бункер золотого зерна. Хотя, уважение к человеку труда пришло ещё в школе, после прочтения «Поднятой целины» Шолохова. Безмерная гордость за народ и страну, возраставшую людей, неунывающих и видящих лучшее людей, попала в самое сердце! Может быть, для кого-то выражение «где родился, там и пригодился» прозвучит пережитком прошлого, пустой словесной банальностью, не несущей смысловой нагрузки, но Сергей так не считал. Ему было не по себе от слов, принимающих способность малой Родины, подарить любовь и вдохнуть счастье в жизнь человека. Для него счастье не за горами! Оно здесь. В поле...

Зной воздуха прогрел пшеницу, она пылила больше прежнего, словно стряхивала с себя летний, заработанный под солнцем, загар, готовясь к новому труду на очистительных машинах механического тока и отдыху в прохладных складах-ангарах. Комбайн уезжал дальше и дальше в глубину безграничного поля, превратившись в пылящую точку на горизонте. Скошенная полоса вздрагивала — прижатые колёсами соломины поднимались, словно хотели в последний раз насладиться летним солнцем...

Золотое поле

Золотое пшеничное поле вызывало надежду на хороший урожай. Тучный колос содержал много зёрен, каждое из которых могло принести на белый свет новую жизнь, новый колос...

Андрей присел на корточки, сорвал спелый колосок, обшелушил его руками, выдул мякину и посчитал зёрна. С агрономической точки зрения всё было прекрасно, наверное... Он не был дипломированным специалистом, но по ощущению тяжести и крупности зерна знал точно — урожай будет! Переломив соломинку пополам и вставив её между зубов, он сел на горячую почву, почти полностью скрывшись в разыгравшейся под ветром ниве. Любовь к работе, к труду хлебороба, заложенная отцами и дедами, пропитали его кровь ещё с рождения. С малых лет он не только физически трудился на всех видах сельскохозяйственных работ с мужиками-крестьянами, но и подмечал нечто, для многих казавшееся несущественным: как и на какой земле чувствует себя рожь, сколько зерну овса нужно времени, чтобы набрать сил, какой комок почвы меньше, после плуга или культиватора. Любовь к земледелию пронизывала Андрея насквозь, он не мечтал о больших деньгах, величии и своеобразном статусе учёного, внёсшего вклад в аграрную науку. Нет. Он мечтал выращивать хлеб и кормить им голодных...

Как среди ясного неба грянул гром — июнь 1941 года... Наступила кровопролитная и безумная пора в истории человечества — война. Мужчин забрали на фронт, его же оставили, в силу возраста. Четырнадцатилетних не брали воевать. На полях он принесёт большую пользу стране, нежели на фронте. Андрей принял на себя ответственность по посеву пшеницы. Собрал немудрёный коллектив: женщин, стариков и таких же возрастом, как и он мальчишек и принялся сеять... Испечённый из зерна военного времени хлеб отправляли на фронт, оставляли себе самую малость, лишь бы штаны держались! Но они не держались и каждый раз приходилось утягивать верёвочку ещё туже. Время лихое, время голодное и беспощадное ко всем! Так пролетело три года. Люди умирали в селе, люди погибали на фронте. Слезы жён и матерей, кажется, окропили каждую пядь родной земли, подрастающая пшеница насыщалась болью и страданиями людскими до предела, но она росла и вызревала, потому что в ней нуждались. Многих накормил в эти годы Андрей, не дал умереть, не дал погибнуть... Быстро повзрослел, слишком быстро...

В золоте пшеничных августовских полей скрывалась надежда на хороший урожай. Май 1945 года уже закончился. Андрей, как всегда, присел на корточки, сорвал спелый колосок, обшелушил его руками, выдул мякину и посчитал зёрна. С агрономической точки зрения всё было прекрасно. Переломив соломинку пополам и вставив её между зубов, он сел на горячую почву, почти полностью скрывшись в разыгравшейся под ветром ниве и... горько заплакал, зарыдал от скопившейся, неумённой боли за погибших, за выживших, но оставшихся калеками, за чёрствость и злобу, царящую в человеческих сердцах. Лишь надежда оправдала себя и грела его сердце, ведь мы победили, страна победила, он победил! Золотое поле — это его награда! Его орден! Его бесконечно дорогая и заслуженная медаль!

Яма

За два часа до наступления нового 1995 года в квартиру под номером тридцать три позвонили в дверной звонок.

— С наступающим, Николай Семёнович! — выпалил прораб Кузнецов и протянул большой бумажный пакет, набитый конфетами разных сортов. — Для жены и внука!

— С наступающим, Владимир Викторович! Я так понимаю тебе что-то нужно? — улыбнувшись ответил Николай Семёнович.

— Да. Нужно. Авария на заводе. Прорвало трубы с холодной водой... Кроме тебя починить некому. Выручай, Николай! — скривился прораб, вымаливая согласие.

Николай Семёнович двадцатый год работал трубоукладчиком в строительном-монтажном тресте №46, зарекомендовал себя как специалист и профессионал дела. Он понимал, что прорабу обратиться больше не к кому и решил воспользоваться ситуацией.

— Ну, знаешь, всё-таки Новый год, у меня семья за столом...

— Всё понимаю, Николай, не к кому обратиться, понимаешь?

— А к Борису?

— Да он уже пьяный лежит. Я только что от него.

— Ладно, выручу. Сейчас предупрежу своих. Только с тебя премиальные!

— Обижаешь, Николай! Обязательно выпишу и грамоту ко Дню строителя получишь со значком! — не скрывая радости отчеканил прораб.

Свет прожекторов выхватывал крупные хлопья снега, падавшего в раскрытую пасть огромной ямы. Николай подошёл к краю. Насосы работали исправно, но вода остановилась на отметке полметра. Он переоделся в непромокаемый комбинезон, залез в ковш экскаватора, который аккуратно спустил его на дно ямы, где под слоем воды находились лопнувшие чугунные трубы. Опустив руки и почти касаясь лицом мутной воды, Николай нащупал острые края трубы, из которой под небольшим напором изливалась вода.

— Здесь! — крикнул Николай стоявшим наверху. — Откачивайте воду, режьте сваркой трубу. Потом я начну чеканить. Поднимай!

Экскаваторщик кивнул, ковш блеснул отмытым от грязи железом.

Крепкий чай в тёплом вагончике согрел, стоявшая в углу буржуйка немного дымила, но выдавала тепло как по расписанию. Выпившие мужики сидели на лавке и беседовали.

— Здорово, Николай, и тебя выдернули из дома? — хриплым басом произнёс водитель трапа.

— Авария! Как же! — улыбнулся Николай.

— А говорят незаменимых людей не бывает!

— Ну, так... — пожал плечами Николай и присел за стол.

Ощущение испорченного и потерянного праздника было у всех. Если бы прораб подумал заранее и подготовил аварийную бригаду — другое дело, а вырывать людей из-за стола — кощунство. Но обещание премиальных, в такое непростое для страны время, заставило людей выйти на работу.

За два часа из ямы успели откачать воду, спилить и вытащить на поверхность лопнувшие трубы и спустить вниз новые... Николай стыковал подвешенную на тросе трубу и проходил стык паклей. Глиняные стены возвышались на четыре метра над сидевшим на корточках человеком. Жидкая глина, словно жёлтое озеро покрывала дно. Прожектор освещал только половину ямы, поэтому стоявшие наверху наблюдатели не заметили появившейся в одной из стен трещины. Николай закончил и только встал на ноги, как массивный кусок глиняной стены скользнул вниз и придавил его к противоположной стене, завалив по плечи. Сделать вдох не представлялось возможным. Удар пришёлся на выдох, глина сдавила грудную клетку, выну-

див лёгкие отдать последние кубические сантиметры воздуха. Всё произошло за считанные секунды. От нехватки кислорода перед глазами появились круги, последнее что он увидел — крупные хлопья снега, исчезающие на жидкой поверхности глины...

Николай очнулся наверху. Снег был похож на звёзды, падавшие с неба. Возникшее в поле зрения лицо испуганного прораба, привело в чувство.

— Как ты? Ничего не болит? — заикаясь, проямлил прораб. — Мужики сразу кинулись вниз с лопатами.

— Нормально всё... Раскапывайте заново. Буду переделывать... — буркнул Николай, поднялся и направился в вагончик.

Предрассветное небо светлело. Лучи солнца ещё не появились, но можно было разглядеть крупные куски глины рядом с закопанной ямой. Люди разъехались по домам праздновать новый день нового года.

Разгрузка цемента

Утро. Втроём перед старым железнодорожным вагоном. Срываем пломбу, откатываем тяжёлые ставни и перед нами открывается живописное зрелище — цемент! Серые бумажные мешки с красной надписью «Искитим цемент» и вызывающими чёрными буквами «50 килограммов» плотно уложены друг на друга. Ряды расположены с левой и с правой стороны от разгрузочного окна. Не громадный вагон, а коробочка с сюрпризом! 42 тонны непередаваемого удовольствия ждут нас.

Закурили. Шесть минут вдыхания обогащённой смеси воздуха и канцерогенных веществ настроило на рабочий лад. Вперёд!

Мозг моментально задействует скрытые в организме силы, пробуждает память мышц и жил. Напрягая пальцы, тянешься к мешку, отрываешь постепенно от таких же бумажных собратьев и поднимаешь на уровень пояса, затем быстрым, но нерезким движением переводишь на уровень ниже груди, охватываешь сгибами рук, словно тисками, откидываешься чуть назад и быстрыми шагами выходишь из вагона. Сбрасываешь мешок аккуратно на приготовленный заранее пустой поддон, чувствуешь облегчение и пульсацию крови в висках, лёгкость проносится по ногам, дыхание учащается, небольшая испарина приятно охлаждает лоб. Шутки, приправленные огромным количеством «цветастых» слов и выражений, подбадривают. Начинается долгий и упорный круговорот цемента из вагона на приёмочную площадку...

Прошло четыре часа работы.

Круговорот цемента в природе не прекратился. Ходьба стала медленнее, шутки ушли в небытие, напряжение в организме возросло до предела. Осознаёшь, что физических сил нет! Ясное прежде сознание — затуманилось. Ты один на один со злосчастным мешком, товарищи по разгрузке не существуют, существуют лишь тени, которые ходят вереницей друг за другом.

Злая, оскаленная тишина, потревоженная скрипом деревянных половиц вагона, угнетает. Раздаётся чей-то голос: «Мужики, осталась четвёртая часть!». Внутри что-то лопаётся и разносит смесь из гормонов радости, возрождающую на нескончаемый подвиг. Подвиг ради хлеба насущного!

Сознание тем временем превращается в сознание простейшего организма, ты ничего не осознаёшь, не видишь, хотя и смотришь, взгляд направлен в глубины своего «Я». Ты не человек, ты автоматический «подъёмник»!

Работа закончена на 99%! Осталось три мешка... Всё!

Неужели всё? Тело не хочет воспринимать долгожданную поблажку, оно негодует. Нет облегчения, лишь тупое забытё ложится пеленой перед глазами, распаренные мышцы набухли, вены вздутыми трубками несут кровь, которая омыла изнутри каждую доселе забытую клетку.

42 тонны неодушевлённой пыли на троих, некогда бывших людьми, но превратившихся за это время в слепое подобие человека.

Цемент закончился...

Калымщик

Соседский петух совсем охрип. Начал за здоровье с «ку», но так и не закончил, поперхнулся, слетел с крыши сарая и побежал. Куда побежал — одному Богу известно! Солнечный луч упал на макушку стога сена, выхватывая выходящий из открытой двери сарая пар. На куче наколотых дров, намокших от лёгкого ночного дождя, восседали подростки и успевшие опериться цыплята. Добывание питательных личинок жуков-короедов на сегодняшнее утро стало для них целым событием! Только чёрная кошка оставалась недовольной. Она сидела на веранде и смотрела на озадаченных цыплят. Такая вкусотища ходит... Но нет. Нельзя покушаться на пернатую собственность хозяина. Ей это было доподлинно известно, так сказать испытано на собственной шкуре. Кошка облизнулась и нехотя ушла за угол деревянного дома...

Сергей присел на ступеньку, натянул на ноги резиновые сапоги, снова снял их и зашёл в дом. Сигареты лежали возле печки, зажигалка валялась под столом. «Сволочь, а не кошка» — подумал Сергей и снова направился во двор...

Восемь забетонированных железных столбов красовались ржавчиной в двадцати метрах от главной сельской дороги, вернее единственной дороги в селе. Сергей поочередно посмотрел на каждый столб, пощупал бетон, который за ночь успел схватиться. Вчера он разобрал сгнивший деревянный забор и решил, не откладывая до белых мух, возвести новый из металлического листа.

— Здорово, Сергей! — улыбаясь во весь рот, крикнул Михаил.

— Здорово, Миш! — ответил Сергей, не поворачиваясь на голос. Он его давно приметил, возле соседнего дома, когда тот выклянчивал у Нинки-самогонщицы похмелиться. — Здоровье поправляешь?

— Да. Малость взял себе. — с нескрываемой радостью хронического алкоголика продекламировал Михаил. — У тебя есть сигарета?

Сергей достал пачку в которой осталось восемь из двадцати сигарет.

— Держи, — протянул пачку и добавил — желанья нет помочь?

Сергей знал, что Михаилу всё равно будет мало выклянченных двухсот граммов бесцветной с резким спиртовым запахом жидкости, поэтому решил взять его, так сказать в трудовой оборот.

— Почему нет! Чем смогу, тем помогу! Ты же знаешь! Только это, Серый, дай закусить чем-нибудь. Я здоровье поправлю и вперёд. — ответил Михаил довольный сложившейся ситуацией. Будет чем «разогнаться» дальше.

— Сейчас вынесу.

На завалинке стоял бокал с водой, тарелка с нарезанной ветчиной, двумя огурчиками, несколькими ломтями свежего хлеба и гранёный стакан под горячительное. Михаил влил в себя четверть стакана, занюхал хлебом и закурил.

— Пока посиди, я сварочный аппарат принесу. От тебя требуется подержать уголки, чтобы я приварил их к столбам. Одному неудобно. Ну, а потом листы вытащим, я их болгаркой по размеру нарежу, ты поддержишь, я приверну на саморезы. Так что сильно не уработаешься! — объяснил план действий Сергей и пошёл в сарай, где у него была оборудована небольшая мастерская.

— Не вопрос, Серый! Ты меня всегда выручаешь. Я тоже выручу. — шмыгнув носом Михаил, ощущая живительное действия напитка...

К часу дня двор Сергея красовался ровным забором из белого металлического листа. Михаил ушёл домой с пятью сотнями рублей в кармане, полуплитровой бутылкой магазинной водки и обещанием помочь завтра с починкой сарая.

Бугринский мост

Вы ни разу не принимали участие в постройке моста? Мне довелось испытать себя на прочность! В 2013 году в городе Новосибирске полным ходом шло строительство «Бугринского» моста — грандиозного сооружения. Конечно он сейчас такой, но, когда мы приехали в начале мая, сооружение было намного скромнее и выглядело не так масштабно. Серые бетонные сваи возвышались над размокшей весенней землёй, измятой и обезображенной колёсами кранов и грузовиков, железный каркас, «отпескоструенный», но не покрашенный, с проваренными чёрными сварочными швами напоминал пункт по приёму металла. Отовсюду торчали куски арматуры, провода электроснабжения и прочее металлическое безобразие. Технического великолепия не было и в помине!

Устроились мы в новых вагончиках. Никакого изыска — «жёсткий», мужской минимализм: сбитые из брусков нары, небольшой стол у маленького, пластикового окна, из которого открывался ничем не примечательный вид на другой вагончик. Приступили к работе на второй день. Все являлись плотниками-бетонщиками, арматурщиками и заливщиками... на словах. Никаких «корочек», подтверждающих строительное образование, ни у кого, конечно же, не было. Но, как говорится, век живи — век учись! Строительные навыки были у каждого: кто-то занимался бетонными работами в другой организации, кто-то помогал в заливке фундамента под дом в своей деревне, кто-то обучался на месте у первых двух категорий «строителей», то есть занимал должность подсобника!

Перед нами стояла одна задача — сделать на мосту ровную бетонную площадку, сверху которой будет асфальт — будущее дорожное покрытие для автомобилей. Приступили. Нас разбили на бригады по несколько человек: трое крепили сосновые бруски на пролёты моста, сверху брусков укладывали ровную, с блестящей поверхностью, ламинированную берёзовую ДСП. Так как мост большей частью проходил над рекой Обь, данная работа предназначалась для тех, кто не боится высоты. Конечно же я принял в ней непосредственное участие. Другие работали на более «низком» и безопасном участке. Когда зияющие пустоты закрылись заплатками из листов ДСП, наступило время укладки и «вязания» арматуры. Кран поднял два пучка арматуры разного диаметра и аккуратно положил на краю моста. Железные прутья укладывались на ДСП на расстоянии двадцати сантиметров друг от друга, сверху, перпендикулярно ложился второй слой арматуры с соблюдением всё тех же двадцати сантиметров. Места, где железные прутья перекрещивались, связывались тонкой проволокой специальным «вязальным крючком».

Прошла неделя. Связанные прутки стали массивной, в два уровня, сеткой. Проснулись. К восьми часам утра в спецодежде и ярких оранжевых касках мы собрались на мосту. Сегодня предстояло провести ответственное мероприятие — залить бетон! Но и здесь не прошло без бюрократической проволоочки — пришлось ждать главного начальника по мостовому строительству, который «даст добро». С восьми утра и до трёх часов дня, без перерыва на обед, мы «продували» компрессором остатки разного сора из-под арматуры, «перевязывали» там, где было плохо или наспех связано, устанавливали «виброрейку». В итоге главный начальник не приехал, (может не захотел или был занят более важными делами). Он просто позвонил нижестоящему по рангу начальнику по телефону и разрешил производить заливку... Так как наш участок находился на высоте двенадцати метров над землёй, простым «сливом» бетона из бетономешалки залить не получится, нужна спецтехника — бетононасос, который будет подавать через широкий шланг-рукав жидкий раствор на самый верх. Бетононасос приехал к семи вечера. Водитель с пульта управления направил «рукав» к нам, час ожидания и к восьми приехали две бетономешалки полные только что приготовленного вязкого, как клей, бетона.

Началось самое ответственное и тяжёлое — заливка! Гул внутри рукава продолжался недолго, из шланга, под большим давлением, показалась серая масса, выходящая, как крем из кондитерского шприца. Вооружённые совковыми лопатами и граблями, чтобы отгребать лишнее из-под вибрирующей рейки, движущейся в нашем направлении, мы с осторожностью ходили по арматурной сетке. Да. По той самой, которую связали. Именно её нужно было «погрести» под сорокасантиметровым слоем раствора. Работать лопатой, когда под ногами, обутыми в резиновые сапоги, находятся пустые ячейки размером 20 на 20 сантиметров — неудобно! Ноги то и дело проваливаются, застревают и скользят, но, что поделаешь, работа есть работа! Когда закончили заливать правую сторону (довольно быстро), оказалось, что у бетононасоса не хватает длины дотянуться до левой стороны. Пришлось наращивать рукав тремя дополнительными секциями, но он уже не «висел» в воздухе, как раньше, а змеиным изгибом лежал на арматурной сетке. Мы раздобыли верёвки, с разных сторон привязали их к рукаву и начали перетягивать наполненную раствором неимоверно тяжёлую ношу...

Воздух стал намного свежее, над рекой повисли клочки белёсого тумана, в кустах запела на разные голоса какая-то птичка. Всплеск воды — это рыба ловила над поверхностью реки насекомых. Низко пролетевший на посадку самолёт, шумом мотора немного «выбил» из нас сонное состояние, состояние уставшего от двадцатичасовой работы организма. Арматурная сетка полностью погребена под слоем бетона, в западной части наполовину высохшего и покрывшегося испариной, в восточной всё ещё свежего и отражающего свет бьющего прожектора. Шесть тридцать утра. «Пятачок» накрыли пароизоляционной тканью и прозрачной плёнкой, чтобы не произошло потери влаги, пересыхания и последующего крошения с таким трудом залитого бетонного монолита. Потихоньку, вразвалку, без слов и эмоций все направились в вагончик — отдыхать...

Торт

У Алексея на данный момент не было работы. Наличные закончились. Три месяца назад он уволился из строительной конторы, теперь подрабатывал на изредка перепадающих халтурках: разгружал мешки с мукой, занимался квартирными переездами, грузил шкуры крупного рогатого скота, чистил подгнившую капусту на оптовой базе — чем только не занимался! Сегодня должны были позвонить по поводу разгрузки фуры с семечками, но так и не позвонили. Деньги, конечно, не помешали бы, ведь сегодня тридцать первое декабря, а на столе ничего нет, хотя бы торт купить, большего и не нужно...

Ближе к трём часам дня позвонил Слава, позвал на разгрузку комбикорма в мешках. А что? КАМАЗ с прицепом — восемьсот рублей на руки! Работа не тяжёлая, если приноровиться.

Как и договорились в пять часов вечера Алексей стоял возле ворот организации.

— Проходи! — скрипнули ворота. Слава махнул головой.

Алексей прошёл во внутренний двор. КАМАЗ был на месте. Быстро переоделись в подсобке, перекинулись парой слов.

— Будешь? — спросил Слава и показал на рюмку. — В честь наступающего!

— Давай. Да пойдём работать. — ответил Алексей, поднял рюмку и одним глотком выпил содержимое. — Ух... Самогон?

— Да. У знакомой купил. Всегда беру у неё. Она не мешает со спиртом. — поморщившись и вдыхая аромат разрезанного пополам яблока, ответил Слава.

Прицеп разгрузили быстро, в течении часа. Выпитая рюмка взбодрила. Остановились перекурить. На улице стояла приятная погода. На градуснике, прикреплённом у окна подсобки, красный столбик замер на отметке минус девять. Из тёмных туч падал мелкий снег. Алексей чувствовал себя превосходно, мало того, что взбодрился под мешками в сорок пять килограммов, так и действие алкоголя приятно затуманило мозг. Оставалось разгрузить КАМАЗ. Алексей подошёл к машине и протянул руку к оранжевому рычагу, чтобы открыть борт. Рычаг никак не поддавался, пришлось левой рукой обхватить правую и приложить большое усилие. Алексей дёрнул раз, потом второй, и только на третий раз рычаг поддался, и борт открылся. Алексей опустил руки и внезапно ощутил острую боль в пальце. По всему телу прокатилась неприятная дрожь, озноб прошёл по спине.

— Я, кажется, палец сломал! — через силу улыбнувшись, произнёс Алексей.

— Да ты что? Как? — с выпученными глазами спросил Слава и подошёл к товарищу.

Алексей снял перчатку. Безымянный палец на правой руке успел увеличиться в размерах. Рука дрожала.

— Езжай в больницу. Что сделаешь? — Слава покачал головой и отсчитал четыреста рублей. — За половину работы.

— Извини, что так получилось. Сам не знаю, как такое вышло. — опечаленно произнёс Алексей и пошёл в сторону остановки.

Из травматологического пункта Алексей зашёл в магазин, купил торт и яблочный сок.

Мать открыла дверь.

— С наступающим! — улыбнулся Алексей и протянул купленное.

— Да что ты будешь делать! Как ты умудрился перед праздником? — спросила мать, увидевшая руку сына в гипсе. — Тебя не было всего лишь три часа!

— Так вот! Предновогодний сюрприз! — вставил несколько слов сын. — Жаль. Послезавтра должна приехать фура с хурмой. По полторы тысячи обещали заплатить...

Землекоп

К восьми часам мужики приехали на городское кладбище. Олег зашёл в прокуренную сторожку, собрал инвентарь для копки, закинул на плечо и отправился на место будущего захоронения.

Инвентарь землекопа (так называется должность по которой был устроен Олег в муниципальном предприятии) состоял из лопат трёх видов: «лепесток» — лопата в виде сердечка, применяющаяся для копки почвы, штыковая — лопатка, обрезанная со всех сторон и напоминающая квадрат, нужна для выравнивания стенок могилы по вертикальной плоскости, совковая — необходимая для выгребания и откидывания грунта, четвёртым «ритуальным» элементом была «дудорга» — это обычный лом с приваренным топором, она необходима для рубки корней или, если наткнёшься на твёрдую почву, для её рыхления.

Олег тихим шагом продвигался по песчаной дороге, где проезжает автобус с гробом и родственниками. По обе стороны стояли железные кресты, гранитные, мраморные, цементные памятники, ржавые и покрашенные оградки, венки и одиночные синтетические цветочки — все атрибуты последнего пристанища человека, вернее, атрибуты нужные живым — так думал Олег, — покойным без особой разницы какие изделия рук человеческих будут украшать поверхность «их» земли.

Парень добрался до места, где будет расположена могила, скинул орудия труда, достал рулетку, отметил на земле размеры: 90 см. — изголовье, 40 см. — ноги, 1 метр 90 см. — длина. Размеры Олег получил на утренней планёрке, поэтому точно знал «свой размер» — выражение узкого круга лиц, так сказать профессионализмы. Начал копать. Сначала снял лепестком на размер штыка верхний слой — дёрн, почва оказалась достаточно податливой, докопал до нужной глубины в 1 метр 40 см., заменил лопату на совковую — выгреб лишние комки, потянулся за штыковой — подровнял. Сорок пять минут и могила выкопана, «дудорга» сегодня не пригодилась, но Олег знал, что её лучше взять, чем возвращаться обратно в сторожку через всё кладбище. Захоронение и облагораживание могилы произойдут позже во второй половине дня.

С пустыря потянуло приятным дымком. Олег зашёл в сторожку, поставил в угол рабочие инструменты, вымыл руки под тоненькой струйкой ржавой воды и направился за здание. На двух белых кирпичях стояла маленькая алюминиевая кастрюля с бурлящей водой, рядом лежала столовая ложка и маленькая пачка чёрного чая.

— Чифирнёшь? — спросил Игорь, работавший, как и Олег землекопом.

— Чифирнуть бы ништяк, да голяк... — улыбнулся Олег, вспомнив строчку из песни, и пожал плечами. — Я ни разу не пробовал!

— Тем более! Базара нет! Пару глотков, вместо кофе. Вещь забористая, конкретная. Главное с ним не переборщить, а то сердце вылетит. Да и пристрастится можно. — рекламировал «лекарство» Игорь, засыпая полную пачку в кастрюльку, которую он предварительно убрал с огня. Объятые паром чайники с поверхности постепенно опускались на дно ёмкости.

— Пусть настоится! — Игорь махнул рукой, снимая рубашку. — Жарко сегодня, ещё у костра прогрело до самых костей. Увесистый золотой крест, висящий на не менее увесистой цепочке, блеснул на ярком, набирающем силу майском солнце. Впечатляющие наколки, словно картины художников, пишущих в готическом стиле, бросились в глаза. Олег улыбнулся.

— Да... Жизнь помотала! — сказал Игорь.

— Заметно!

Они рассмеялись.

Кладбище с выкопанными могилами, кресты и саркофаги, смерть с остроносой косой и скелеты покрывали белую кожу Игоря.

— Ну, что? Пробуем? Закуривай! — Игорь взял маленькую эмалированную кружку и налил напиток, который приобрёл морковный цвет. — Давай! Хапочку сделай.

Олег сделал два больших глотка. Только потом до него дошло, что всю полость рта стянуло, словно он объелся ягод черёмухи, горький и горячий напиток, обжигая, прошёл по пищеводу. Сигаретный дым показался сладким.

— Как тебе? Ништяк? — поинтересовался Игорь, причмокивая из кружки.

— Да-а-а, кофе отдыхает! — ответил Олег, почувствовав прилипшие к дёснам щёки.

— Хватит на первый раз. Сейчас начнётся самый кайф...

Гроб с покойным лежал на дне могилы. Родственники стояли по периметру, освободив место для работы землекопов. Олег чувствовал себя превосходно! Прилив сил и энергии был невероятным. Лопата с землёй летала туда-сюда. Через несколько минут могила была уже засыпана, сверху сформирован земляной холмик и поставлен деревянный крест. Олег встал ровно, он чувствовал, что сердце того и гляди выпрыгнет из грудной клетки и поскачет по оградкам да крестам. Майка шевелилась от биения кровяного насоса.

К концу рабочего дня смотрителю кладбища Александру — жуткому пьянице, который за два захода из горла выпивал бутылку водки, позвонил шеф, сказал, что будет ещё одно захоронение — цыганская могила.

Олег с Игорем и двумя другими работниками сидели на скамейке возле квадратной ямы, которую осталось наполовину выложить брусом, положить ковёр, опустить гроб, снова заложить брусом, накрыть ковром и закопать. Каждому участвовавшему в процессии гарантировалось по тысяче рублей на руки, помимо начисленной официальной зарплаты. Почему бы и не остаться поработать сверхурочно!

Весёлые цыгане вытащили мангал, поставили на ровную поверхность в десяти метрах от только что закопанной могилы и принялись жарить шашлык. Четверо старых цыган уже распивали водку за столиком. Три женщины в чёрном одеянии, успокаивая друг друга, лили слёзы возле креста.

Эх, если бы не ожидание обещанных денег за захоронение, Олег давно лежал бы на диване перед телевизором дома, а так приходилось мириться с данной, далеко не приятной ситуацией. Он отошёл от всей этой братии в сторону, присел на пустую скамейку и закурил.

— Мужик, есть зажигалка? — раздался за спиной детский голос. Олег понял, что обращаются к нему и обернулся. Перед ним стоял мальчик лет десяти-двенадцати с бутылкой крепкого пива «Балтика 9» и красно-белой пачкой «Мальборо».

— Держи. — Олег протянул мальчику жёлтую зажигалку «Крикет», не предполагая, что будет дальше.

Ребёнок ловко чиркнул колёсиком, и сигарета задымилась, потом зажал зажигалку в кулаке, обратной стороной расположил её под пробкой и над пальцами другой руки, которой обхватил горлышко бутылки. Раздался хлопок, и мальчик с видимым удовольствием отхлебнул ядрёное пойло.

— Благодарю! — выпалил пацан и пошёл к взрослым, попивая из бутылки и периодически дымя сигаретой...

На следующий день, собравшись рабочей бригадой за столом, смотритель рассказал: «Когда вы уехали, цыганята начали петь и плясать, старые устроили разборки, женщины плакали, а кто-то из присутствовавших перевернул мангал с тлеющими углями и, соответственно, сухая трава запылала. Мне пришлось вызывать пожарных. Короче начудили они тут!» Олег выслушал, покачал головой и, улыбаясь, встал из-за стола, собрал инвентарь для копки, закинул на плечо и отправился на место будущего захоронения, по дороге вспоминая цыганёнка — любителя крепкого пива. Что же с ним будет дальше? Какая судьба ему предначертана? — одному лишь Богу известно...

Практика

Агроном совершал объезд владений на стареньком «УАЗе» и наслаждался видом из окна автомобиля: одиноко стоящая в степи берёза позеленела, листья, как монеты усыпали ветви, скрюченный кустарник шиповника ещё не выпустил первые листки, лишь толстые почки обрамляли колючего монстра, травы тянулись к свету, прорезая дернистый, отыгравший своё, мёртвый слой, коршун, паривший в бескрайнем небе, промелькнул крылатой тенью, сделал несколько кругов в высоте и исчез. Первобытное «чувствование» жизни в живых существах, заложенное кем-то миллиарды лет назад, обострилось. Непрерывное движение — заметное и незаметное, порождало особенный, загадочный мир. Мир, где нет человека... Где он не нужен. Человек способен лишь на одно — принести в мир навязчивую волю, привнести асфальтобетонный хаос и посеять смерть в этом степном океане жизни. Не переиграть песню жаворонка симфонией Моцарта, не запечатлеть степь на картине великолепнее, чем она есть, не передать изысканными словами, рифмами и поэтическими размерами свежесть порыва ветра. Нет. Человек здесь неуместен...

Открытое окно в кабине донесло ни с чем не сравнимый запах поля. Просторы всегда притягивали его взгляд, входя в самое сердце, обнимали изнутри и обволакивали душу. Дорога, утоптанная колёсами сельхозтехники, пылила. Взбудораженная пыль, взлетала, как нечто таинственное, словно прах минувшего времени собирался и скапливался именно здесь, где пробивалась живучая трава-мурава, подорожник, полынь чернобыльник и другая мелкая травка.

«Ведь живёт же на обочине дороги и как-то выживает! — пронеслась мысль в голове агронома и, найдя почву для дальнейшего философствования, начала укореняться. — Как на обочине жизни. Никому не нужная, никем не уважаемая — не приносящая пользы. А дорога? Сколько смысла в обычном слове: жизнь человека — дорога, смена времён года — дорога, всё существующее куда-то движется по дороге. Для чего человеческая жизнь? Люди, как придорожные травы, стоят у обочины жизни, смотрят на неё, но не понимают, кем дана дорога-жизнь, и что нас ожидает в конце пути? Дорога уходит за горизонт... Будет ли она через сотню лет или зарастёт травами? Никто не знает даже такой мелочи...»

УАЗ мчался, раскачиваясь и подпрыгивая на неровностях дороги, напоминая своим видом старого козлика. Впереди на краю поля показался трактор. «УАЗ» остановился, агроном отбросил философские мысли, занимавшие голову всю дорогу, и шагнул навстречу существующей действительности.

— Почему прекратил сеять? — крикнул агроном, обращаясь к трактористу.

— Пшеница закончилась, Иваныч! Машину жду, чтобы сеялки зерном заправить. Сейчас приедет и начну. Ты бы мне лучше севца в помощники дал, сеялки не новые, он бы контролировал расход зерна, а то мне приходится останавливаться и самому проверять.

— Где я его найду, севца? Может студенты с «сельскохозяйственного» приедут на практику, тогда отправлю их к тебе.

— Ладно. Договорились. Когда они будут, студенты?

— Будут. Не переживай!

Разговор подошёл к концу, Иваныч сел в машину и поехал в контору созваниваться с представителями сельскохозяйственного ВУЗа, которые должны были по договорённости с агрофирмой выделить недостающую рабочую силу в такое ответственное время, как посевная. Ранним утром в понедельник на крыльце здания управления стояли два студента: худого звали Анатолий, подкаченного Сергей. Они ожидали особого приглашения, но никого и в помине не было. Из подъехавшего ГАЗ-66 выбежал мужчина и направился к студентам.

— Чего стоите, жмётесь? Вам к кому?

— На практику прислали. Мы агрономы!

— Ха! «Был бы дождик, был бы гром...» Ха! Вам, наверное, к Иванычу на второй этаж в двести одиннадцатый кабинет. Он у нас агроном. Агрономы... Ха!

Студенты переглянулись, пожали плечами от весьма избитой шутки про профессию и направились по предложенному маршруту. В здании царил полумрак и приятная прохлада. На втором этаже располагались три кабинета: главного агронома, главного инженера и генерального директора фирмы. Двери кабинетов имели плачевное состояние, что тут же бросилось в глаза будущих специалистов. Висевшая боком синяя табличка с цифрами «211» указывала на верное направление. Анатолий постучал и без должного ожидания приоткрыл дверь.

— Здравствуйте! Мы на практику.

— Поздравляю. Вы к кому?

— К агроному.

— Напротив, — коротко ответил мужчина и добавил — В двести тринадцатый!

— Спасибо. Извините! — тихо произнёс Анатолий и закрыл дверь. — Вот мужик — весельчак, то поговоркой подколол, то с кабинетами обманул. Местный юморист! Теперь ты постучись, Серёга.

Сергей постучал костяшками сильнее, чем его товарищ, но подождал, пока ответят.

— Войдите! — послышался глухой голос.

— Здравствуйте! Это мы. Прибыли проходить практику. — как можно громче произнёс Анатолий, но вышло не очень, голос сорвался в какой-то визг. Сергей хлопнул товарища по плечу и улыбнулся.

Студенты подошли к столу советских лет, пожали руку агроному, присели на неудобные стулья и начали разговор...

— Значит на практику? — уточнил главный агроном и посмотрел оценивающим взглядом на ребят. — Что ж, давайте перейдём сразу к делу: на данный момент устоялась положительная температура воздуха, соответственно, почва достаточно прогрелась, но не потеряла нужную для семян влагу. Конечно же вы и без меня знаете, что да к чему! Наше хозяйство испытывает нехватку рабочих рук, а именно севцов. Вы готовы работать на сеялках?

— Да! — в один голос ответили студенты и закивали головами.

— Нам любая работа по плечу! — выдал Сергей и покосился на недовольного Анатолия.

— Хорошо! Спускайтесь на первый этаж, вас поселят в общежитие и всё расскажут. Завтра сможете приступить к работе?

— Да, да — поочерёдно выпалили студенты, вставая и задвигая за собой массивные стулья...

Сотни раз отремонтированные сеялки семидесятых-восемидесятых годов, до сих пор принимали участие в аграрных делах. Севцы должны были стоять на задней площадке сеялки и контролировать выход зерна в почву из сошников, чтобы те не забились или, не кончилось зерно в бункере.

От тихого и ровного поля, подготовленного под посев, исходил жар. Синий трактор марки «МТЗ» в сцепке с красной сеялкой, был готов к работе. Студенты вцепились в поручни, махнули трактористу, и трактор, выпуская клубы сизого дыма, начал разгон. От одного края поля до другого ехать минут пятнадцать, в центре поля ветер затих, пыль остановилась серым клубком вокруг сеющего агрегата, стало нестерпимо душно. От низкой скорости слегка обдувало жарким движением воздуха. Через четыре полных круга зерно закончилось. Трактор остановился. Подъехавшая машина загрузила в ящики сеялки очищенное зерно, и вновь началась работа.

Несколько кругов по полю заняли, как оказалось, много времени, тракторист посигналил, чтобы привлечь внимание студентов и показал пальцем на приближающийся грузовик, это означало, что наступило время обеда.

Водитель зелёного «Урала» привёз фляги с супом, чаем, картофельным пюре и коробку со свежим хлебом. Пыльное лицо и руки вымыть было негде, но студентов данное обстоятельство нисколько не смущало! Голод взял в тиски! Студенты с трактористом уселись на травке в тени возле берёзовой посадки.

— Ну что, практиканты, проголодались? — спросил тракторист.

Анатолий с Сергеем ещё не успели познакомиться с сельским тружеником, поэтому отвечали без обращения по имени отчеству.

— Конечно! Ещё как! Растрясло на сеялке, да и воздух у вас здесь свежий! Совсем пробрал! — улыбнувшись, ответил Сергей и застучал алюминиевой ложкой по тарелке.

Анатолий сосредоточенно вылавливал упавший берёзовый лист. Тракторист это заметил, и заявил: «Ешь, не брезгуй. Больше грязи — шире морда! Это же зелень. Полезно!»

Анатолий не прислушался к совету, выловил ложкой злополучный листок и выплеснул в траву, но тут же в суп залетела мошка. Студент сделал вид что не заметил и сдвинул её на сухой край тарелки. Дальнейшего разговора не последовало, неожиданно подъехал агроном.

— Всем здравствуйте! Как вам работа? — обратился агроном к студентам и, не дождав-шись ответа, продолжил — Как поедите, я вас отвезу в общежитие, сегодня отдохнёте, отмо-етесь. Завтра будет другая работа. Необходимо срочно заниматься ремонтом тока. Привезли новый зерноочистительный агрегат и его позарез нужно монтировать по месту!

— Ну, ты что, Иваныч? На полдня мне их дал? Лучше бы совсем не давал! — опечаленно выпалил тракторист.

— Что я сделаю, Андреич? — ответил агроном. — Так решил директор! Задавай вопросы ему.

Студенты наконец-то узнали, как зовут тракториста, но это было уже не так важно. Вер-нее, вообще не важно.

На следующий день ребята занялись установкой нового бинарного центробежного сепаратора, который очищал (как сказал агроном) качественнее и по объёму пропускаемого зерна был производительнее, нежели советские аналоги.

Часть разобранной шиферной крыши тока аккуратно лежала на скошенной траве, лоп-нувшие листы валялись поодаль в неглубоком овраге. Кран осторожно поднял с троса неви-данный студентами агрегат. Две серебристые колонны, соединённые между собой, висели на стропях в воздухе, словно ступени термоядерной ракеты. Забежав на ток по крутым и узким ступеням лестницы, студенты помогли рабочим подтянуть агрегат за заранее привязанные к нему верёвки. Отверстие в крыше было достаточно узким. Аппарат мог выломать несколько листов шифера и, ударившись о железную балку, сорваться на деревянный настил.

— Тяни! — крикнул один из рабочих Сергею. — Что ты встал?

— Я тяну.

— Вот и тяни.

— А ты там в напряжении верёвку держи! — мужик обратился к Анатолию и посмотрел вверх.

Агроном, следивший за всеми действиями по установке сепаратора, услышал разговор и немедленно вмешался: «Ты давай не кричи на студентов. Молодые ещё. Объясняй, как нужно и что нужно.»

— Да я-то что! Я ничего. Просто им объяснил. — ухмыльнувшись, ответил рабочий и подмигнул Сергею.

— Понятно. Мягче нужно. Ещё научатся! — улыбнувшись сказал Иваныч и отошёл в сторону. Слаженная работа увенчалась успехом — зерноочистительный аппарат стоял на уго-тованном ему месте. Студентам предстояло настроить его, запустить и начать самую ответ-ственную работу — очистку зёрен от плевел!

Асфальт, покрытый микроскопической пылью, напоминал природе о необходимости дождя. Листья деревьев, прежде зелёные и сочные, в этот день висели измождёнными. Даже люди — «короли земли» и всего существующего ходили вялыми манекенами, мало похожими на настоящего, плещущего эмоциями человека. Шквал, падающих солнечных лучей, с каждым днём нагревал землю сильнее. Ошибка стоила жизни земляному червю, выбравшемуся наружу. Его длинный, потрескавшийся труп, стал достоянием и продовольственным избытком для муравьёв. Они, не взирая на жар, жвалами, словно гидравлическими ножницами, откусывали порции и несли в свою обитель. Природа подвергалась невыносимым нагрузкам от далёкого космического светила, но дождя всё не было...

Началась уборочная. Инженер проверил сепаратор, похвалил студентов за проделанную работу, пообещал выписать грамоту и дал несколько дней отдыха. Сергей по какой-то причине отпросился домой. Из дома позвонил руководству и сообщил, что больше не приедет. Скорее всего просто не захотел проходить практику в пыли и мазуте, нашёл повод и возможность «откосить» от (как он сам сказал) этого неблагодарного дела, поэтому Анатолию пришлось работать одному, но ничего страшного — ток работал исправно! Пока выпала возможность отдохнуть, он перестирал свои вещи, сварил суп, ведь столовая была закрыта, сделал несколько поэтических набросков о деревенской жизни и нелёгком крестьянском труде, позже решил приступить к заполнению дневника прохождения практики.

В последний выходной день пошёл долгожданный и многообещающий дождь, так нужный природе, но не нужный человеку! Позвонил агроном и продлил выходные ещё на два дня. Струи хлестали в окно и вскоре из прогнившей деревянной рамы закапало на подоконник. Анатолию захотелось непременно написать что-нибудь о капле! Да. Именно о капле! И уже через полчаса появилась миниатюра. «По небу плыла небольшая, не выделяющаяся ничем от остальных, туча. Она содержала в теле несметное количество капель воды. Каждая была маленькой и прозрачной, впрочем, несущественной. Туча не выдержала накопившейся тяжести и скинула их над океаном. Ветер долго носил, трепал, охлаждал, но тем не менее каждая капля добралась до поверхности океана, слилась с ним и стала одной, громадной каплей — Мировым Океаном. Поэтому и человеку, чтобы почувствовать себя существующим и существенным, необходимо слиться с чем-то глобальным и стать самому сутью глобальности...» — он ещё раз перечитал сотворённый шедевр, порадовался своим философским способностям и с душевным спокойствием отложил тетрадь...

Шум триеров и лязг металлических цепей агрегатов заглушили звуки природы: поющего в небе жаворонка, голосающую в лесополосе синицу, но что сделать? Человеку нужен хлеб! Без него никуда! Анатолий смотрел на площадку перед током, как два грузовика «ЗИЛ» и «ГАЗ», оба с ржавыми и битыми кузовами везли с поля золотистое зерно. Развернувшись на небольшом асфальтированном пятачке, водитель «Газона» сдал назад и заехал на эстакаду. Профессионального и умудрённого «рулевым» опытом водителя Анатолий узнал сразу — водитель быстро попал в железную колею подъёмника. Стёртые колёса упёрлись в чугунные ограничители, отчего по автомобилю пробежала дрожь, словно он боялся за сохранность вверенного ему груза. Последовала остановка. Кузов поднялся под напором цилиндров. Водитель вышел из машины, сильной мозолистой рукой открыл борт и зерно бурным потоком потекло в приёмочную яму, лишь последние, задержавшиеся в неровностях кузова семена, пытались догнать своих «полевых товарищей». Студент нажал на пульте управления чёрную кнопку, открыл заслонку, и в работу вступила нория. Звенящая блестящими ковшами на резиновой ленте, она с невероятным усилием поднимала разгорячённое под солнцем добро, отправляя его на самый верх и ссылая в пасть ненасытного зерноочистительного агрегата. Раскалённая от невидимых трудов солнца шиферная крыша и безветрие, в совокупности с грохотом и вибрацией агрегатов, превратили ток в подобие апокалиптического робота-титана, совершающего

таинственный процесс. Обволакивающее облако пыли оседало на всё, словно погребало ненужное Вселенной кратковременное человеческое...

Точное и размеренное действие машины принесло долгожданный результат — зерно очищено! Чистые семена пшеницы, отбитые стальным ситом от травяного сора, до поры упали в бункер. Зерновая «пушка» переместила зерно в оранжевый кузов увесистого «КАМАЗа». Солнце зашло за горизонт. Похолодало. Напряжённый рабочий день подошёл к концу. Затихшие механизмы отдыхали, остывая от изнурительного, летнего жара. Анатолий выключил аппарат, тряпкой протёр пульт управления, посмотрел в окно на звёздное небо и направился в общежитие. Ещё один день практики закончился...

Кожух

Собирайся на работу — настойчиво визжал будильник на мобильном телефоне. «Мелодию нужно сменить.» — подумал проснувшийся Михаил и нажал на кнопку отмены повтора. Прохладное осеннее утро совсем не хотело придавать сил. Мужчина умылся под холодной струёй воды, быстро позавтракал, пощёлкал каналы на новенькой плазме, взятой в кредит, и пошёл на работу. На заводе по производству вагонных пар и грузовых вагонов он работал пятый год в должности шлифовщика изделий. Высокая заработная плата — основное, что прельщало, больше никаких «хороших и светлых» сторон, кроме напряжённого и выматывающего физического труда. Переполненный утренний троллейбус с молчаливыми людьми, неосвещённая прямая тротуара с ямами на асфальте, две дороги без пешеходного перехода и вот — за железнодорожными рельсами и тополиной посадкой — завод. Подходившие к проходной работники создали небольшую очередь, но она быстро продвигалась вперёд, так что у Михаила ещё оставалось время перекинуться парой слов с сотоварищами с окончившейся смены. На пропускном не возникло проблем, только охранник окинул его холодным сканирующим взглядом и моментально перевёл глаза на другого работника. Михаил уже миновал проходную, идущего позади молодого парня охранник окликнул и отвёл в сторонку. «Видимо, перегар почуял.» — подумал Михаил и пошёл по дорожке между сбросивших листву яблонь. Поднимающееся над горизонтом солнце красным пучком лучей осветило стены цеха из красного советского кирпича...

— Скорую вызывайте! — кричал Егор, работавший на шлифовке в двадцати метрах от Михаила. — Быстрее! Помрёт же!

Мастер участка звонил по телефону начальнику цеха предупредить о происшествии, Егор вызывал местного фельдшера. В шумном пространстве цеха, возле вагонной пары лежал Михаил. На правой стороне головы, освещённой лучом солнца, пробившегося сквозь неплотные листы крыши, виднелась струившаяся из проломленного виска кровь, белые куски лопнувшего абразивного круга и пневматическая машинка валялись рядом с мужчиной. Через несколько минут прибежала фельдшер — молодая девушка, как и положено в белом халате с оранжевым чемоданчиком в руках. Она осмотрела Михаила, Егор с другим работником помогли усадить пострадавшего на скамью, после чего фельдшер достала перекись водорода, обработала рану и неспешно перемотала Михаилу бинтом голову, напоследок утвердительно ответив, что всё в порядке и переживать не стоит, а скорую вызывать не имеет смысла, так как она всё сделала вовремя и качественно. Начальник цеха перезвонил мастеру и категорически запретил вызывать скорую неотложную помощь, добавив, что через полчаса он придёт на место происшествия и скажет, что делать дальше...

Начальник цеха вместо обещанных тридцати минут явился через два с половиной часа. Михаил сидел всё это время на скамье в закопчённом полумраке цеха. Его полубессознательное состояние повергало рабочих в шок, но никто ничем не мог помочь. Красная струйка крови просачивалась сквозь белую ткань бинта. Михаил не понимал, где он находится, боль из области виска, казалось, переползла во все отделения мозга. Он ничего не мог ответить бесконечно спрашивающим у него о чём-то, да и вообще он не видел перед собой лиц, только мелькающие в тумане силуэты. Как далёкое эхо доносились слова мастера о том, чтобы Михаил ни в коем случае не говорил о производственной травме. Мастер раздобыл какую-то бумагу и пытался заставить её подписать, но руки Михаила не слушались, и ручка то и дело выпадала из обмякших пальцев в чёрную заводскую пыль. Явившийся начальник подтвердил, что ничего страшного не произошло и обязал мастера цеха отвести пострадавшего домой. Дома ожидала супруга, но как только она увидела Михаила с кровотокающей на голове раной, заставила мастера незамедлительно отвезти их в городскую больницу. Врачи в больнице подтвердили тяжесть травмы, в

это время руки и ноги у Михаила перестали ему подчиняться окончательно, его словно парализовало. Мужчина хотел сказать жене, чтобы она не переживала, но не мог пошевелить языком. Через несколько часов руководство завода позвонило жене с просьбой не писать никаких заявлений ни в какие органы и предложило крупную сумму денег, от которых Елена незамедлительно отказалась, бросив трубку телефона...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.